

Виктор Сергеевич Мартянов

кандидат политических наук, доцент,
зам. директора по научной работе
Института философии и права УрО РАН,
г. Екатеринбург, Россия.

E-mail: martianovy@rambler.ru
ORCID ID: 0000-0002-7747-0022

ДВОЙНЫЕ СТАНДАРТЫ В ОПРЕДЕЛЕНИИ КОРРУПЦИИ КАК ВЫЗОВ ОБЩЕСТВЕННОМУ СОГЛАСИЮ¹

В настоящее время в России одновременно сосуществуют рентно-сословная и классово-рыночная онтологии коррупции, фундированные альтернативными принципами ее определения и противодействия ей. Политические субъекты этих онтологий предлагают взаимоисключающие взгляды на феномен коррупции, обусловленные общим контекстом конкуренции социальных групп за легитимацию принципов распределения общественных ресурсов, разнообразных благ и видов капиталов. Аргументируется гипотеза, что в глобальном мире, и в России в частности, наблюдается фоновая тенденция к укреплению рентно-сословной стратификации общества, предполагающей доминирование внеэкономических (внеэкономических) факторов доступа социальных групп к общественным ресурсам. Базовым элементом классовообразования в этой модели выступает национальное государство, а не свободный рынок. Соответственно уровень легитимного доступа граждан к ресурсам все сильнее обусловлен их положением в иерархии государства, а не конкурентоспособностью и востребованностью на рынке. В подобной рентно-сословной системе «схлопываются» относительно универсальные и эгалитарные ценностно-институциональные пространства, ориентированные на формально-правовое равенство граждан и чувствительные к искажению этого равенства. В условиях рентно-сословного порядка неравенство доступа граждан к общественным ресурсам по сословным, отраслевым, должностным, географическим и иным критериям перестает квалифицироваться как коррупция. Происходит усиление иерархического неравенства, легитимируемое новыми сословными этиками добродетелей, в которых коррупция предстает как приемлемая статусная, сословная или политическая рента. Идентификация коррупции все чаще сводится к релятивным, количе-

¹ Статья подготовлена при поддержке гранта РФФИ № 18-011-00211 «Общественное согласие в России: механизмы идеологической и институциональной регуляции».

ственным показателям – превышению условиями и их отдельными представителями узаконенного для них объема политической ренты. Тем не менее рентно-сословный порядок может получить широкую поддержку, если в него в качестве бенефициаров вовлечено большинство населения, а критерии распределения политической ренты относительно прозрачны и легитимированы общественным согласием главных социальных групп.

Ключевые слова: коррупция, стратификация, рента, статусная рента, общественное согласие, ресурс, рентно-сословный порядок, государство, рынок, классы, неравенство.

Коррупция в двойной системе ценностных координат.

Коррупция не является социальным феноменом, чье определение может когда-либо стать универсальным и свободным от оценочных элементов. Это отношения, принципы и действия, которые считаются коррупционными (незаконными) в определенной классовой, идеологической и ценностной перспективе, в историческом времени и культурном контексте. *Поэтому коррупция в самом широком определении есть нарушение легитимных правил распределения общественных ресурсов.* Справедливость этих правил и процедур подтверждается консенсусом ведущих социальных групп в конкретном обществе, который всегда релятивен, подвижен и базируется на той или иной модели иерархического и неравного доступа членов различных социальных групп к общественным ресурсам. Подобного рода консенсус трудно назвать справедливым; скорее он имеет своей основой приемлемую несправедливость, освященную традициями, обычаями, привычками и *нормальными* практиками – всем тем, что является в данном обществе в принципе допустимым, но *по большому счету уязвимым с моральной точки зрения* для участников общественного согласия. Неравный доступ к ресурсам в разнообразных коллективных практиках всегда отличается от формально-правового равенства граждан. Изменение факторов стратификации общества и его классового состава определяет трансформацию условий доступа граждан и социальных групп к общественным ресурсам. Это, в свою очередь, требует достижения нового социального консенсуса относительно изменившихся общественных установлений.

Расхождение *системы с жизненным миром*, то есть декларируемых ценностей/правил/институтов с реально наблюдаемыми общественными практиками, неизменно приводит к

расширению области *двойных стандартов* и неопределенности в оценке одних и тех же общественных явлений в различных системах отсчета и идеологических координатах. Противоречие ценностных систем и массовых общественных практик особенно велико в современном российском обществе, что во многом объясняется наличием двойной системы стратификации российского общества, которая обуславливает и двойную систему легитимации политического порядка. Система *двойных стандартов* позволяет политическим элитам действовать избирательно, применяя различные ценностные легитимации, неравные критерии полезности/эффективности и соответствующие условия доступа к общественным ресурсам в отношении сложившихся социальных групп.

Рентно-сословная система стратификации. Первая система стратификации исторически связана с рентно-сословными критериями оценки социальных групп, которые чем дальше, тем активнее определяют специфику ядра, или общей системы, легитимации социально-политического порядка российского общества. Ключевым механизмом стратификации здесь выступает государство, а главной ценностью – полезность в глазах государства. Эта полезность дает основания иерархического доступа для тех или иных социальных групп к распределяемым государством ресурсам. В настоящее время данная система де-факто доминирует хотя бы потому, что российское государство, согласно официальной оценке «Федеральной антимонопольной службы» 2015 г., прямо или опосредованно контролирует иерархическое распределение до 70% расходов ВВП и близко к своему пределу, что сопоставимо с расходами советского государства с его плановой, командно-административной экономикой (Доклад... 2016: 7). По сути, это означает, что *сформировавшегося рынка в России нет, а любой крупный частный бизнес существует лишь а) на периферии, б) под контролем или в зависимости от государственного управления экономическими процессами.* Привилегированными получателями ресурсов и благ в этой ситуации всегда будут социальные группы, являющиеся агентами государства, – госслужащие и силовики, а также, в некоторой степени, бюджетники – учителя, медработники, ученые и т.д. Впрочем, бюджетников все чаще вытесняют в периферийную область рынка, в которой они лишены ресурсов, не связанных с их текущей рыночной ценно-

стью, но обусловленных внеэкономической ценой в перспективе интересов государства.

В указанной системе стратификации коррупция легитимируется как законная иерархизированная рента разных социальных групп, получаемая в качестве дополнительных вне рыночных ресурсов иногда по реальному, а чаще по воображаемым основаниям своей *государственной полезности*. Стоит отметить, что категория ренты, используемая для описания принципов стратификации рентно-сословного общества, – исторически *невезучее понятие политической экономии*, когда-то бывшее центральным у представителей экономической школы физиократов (Ф. Кенэ и др.). Они трактовали ее как данную Богом или природой основу всех богатств, заключенную в земле. Позже понятие ренты пало жертвой в идеологической борьбе буржуазии с *Ancien Régime*. Земельная аристократия была отстранена от власти поднимающимся классом буржуазии, а рента дискредитирована как *недостойный ресурс* уходящих, паразитических слоев общества. С тех пор экономический мейнстрим упорно не замечал рентных механизмов доступа к экономическим ресурсам, в том числе не связанным с владением землей. Вместе с тем во весь период экспансии капитализма феномен *рентного доступа* довольно успешно сосуществовал с рыночной версией экономики, в которой официально господствовали капитал, труд и принципы конкуренции.

Идеологи свободного рынка утверждают, что при переходе от *естественного государства к обществу открытого доступа* «индивиды продолжают оставаться мотивированными экономической рентой как на политическом, так и на экономическом рынке, но присутствие открытого доступа стимулирует конкуренцию, что делает подобную ренту лишь временным явлением» (Норт, Уоллис, Вайнгаст 2011: 418). На наш взгляд, здесь желаемое выдается за действительное, а рента, которая будто бы имеет *преходящий характер*, представляет собой более устойчивое явление, чем то, что должно ее вытеснить из экономического и политического пространства. Дело в том, что в настоящее время возможности обеспечивать своим гражданам широкие блага на *обезличенной основе* постепенно теряют даже общества, составляющие центр мироэкономики, перестающие по этой причине быть мотивирующим примером для всех

социальных сил, заинтересованных в преобразовании *естественных государств*. Резкий подъем экономического протекционизма, популизма, национализма и протестной активности свидетельствует, что движение к рынку, демократии и открытым институтам является *дорогой с двусторонним движением*. Все новейшие порядки *открытого доступа с инклюзивными институтами* довольно легко и быстро могут трансформироваться в *естественные государства* и *закрытые общества*, в которых господство рынка обнаруживает свои пределы. От имени рынка уже невозможно раздавать неподтверждаемые обещания о *выгодном подключении* к нему все более широких слоев населения в условиях усиления рентно-сословной стратификации (Мартьянов, Фишман, Давыдов 2019).

В таком ракурсе преобладание в мироэкономике стихийных рыночных обменов предстает не более чем романтической утопией ее первоначального становления. В настоящее время *естественное государство* вновь проникает на глобальный уровень в виде долгосрочной стратегии *рентного капитализма*, в которой закончена географическая экспансия капитала, норма прибыли и спрос падают, все глобальные рынки завоеваны и поделены, а конкуренция на них только усиливается, взывая к внерыночным и внеэкономическим преимуществам. В результате классические экономические элементы свободного рынка – капитал, труд, конкуренция – отступают перед лицом более фундаментального фактора выживания – обладания/контроля ресурсов, позволяющих извлекать всевозможную ренту. Об этой тенденции свидетельствует и популяризация понятия социального капитала, под которым подразумевается не столько капитал, сколько именно *рента индивида* от нахождения в благоприятной институциональной среде, позволяющей ему пользоваться широкими общественными благами.

Классово-рыночная система стратификации. Вторая система общественной стратификации может быть названа классово-рыночной. Нормативным механизмом стратификации здесь выступает рынок, а критерием доступа к ресурсам – рыночная полезность субъектов, определяемая в ходе конкурентной борьбы. Свободные рынки порождают экономические классы, каждый из которых опирается на свой ресурс – труд или капитал. Эта же метафора переносится и на государство,

уподобляемое административному рынку, на котором конкурируют партии, а граждане осуществляют свой оптимальный потребительский выбор в качестве избирателей. Теоретически считается, что такая система – саморегулируемая, демократическая и автоматически ведущая к выбору совокупного оптимального блага для большинства участников, способных обеспечивать взаимный контроль и вырабатывать на этой базе эффективное общественное согласие.

В подобной идеологической перспективе все доминирующие бинарные оппозиции в обществоведческом мейнстриме основаны на представлении об общем благе как движении от рентно-сословного типа стратификации к классово-рыночному: от тоталитаризма – к демократии, от закрытого – к открытому обществу, от естественного государства – к обществу открытого доступа, от эксклюзивных – к инклюзивным институтам, от архаики – к современности, от демократии с негативными характеристиками (имитационной, ограниченной, фасадной, элитарной) – к *истинной демократии* и т.д.

Представляется, что экономическая, социально-политическая и культурная реальность любых современных обществ гораздо сложнее указанных идеологических дихотомий; противоположные составляющие присутствуют в ней *одновременно*, а сами подобные противопоставления имеют неразрешимый, антиномический характер. Метафора рынка по отношению к государству является слишком поверхностной, поскольку государство характеризуется дистрибутивными (распределительными) обменами, а не рыночными, выполняющими вспомогательную функцию, связанную с расширением доступных ресурсов. Поэтому социальные сети/иерархии асимметричных ресурсных обменов как фундаментальные источники нарушения формально-правового равенства граждан и генерации коррупции, то есть неравного доступа к ресурсам, существуют во всем мире, в том числе и в идеализируемых многими западных обществах. В них шире *защитный слой* демократии, рынка и социального государства, однако в ядре реальных политических и экономической отношений, в центре *монетарного социального порядка* господствуют те же сетевые взаимодействия элит, олигархия и семейные кланы, механизмы теневых договоренностей системных игроков о *правилах игры* в политике и экономике,

а также наблюдается растущее неравенство меньшинства и большинства (Ченсел 2018). Следует подчеркнуть, что функциональная толщина традиций, отработанных процедурных и правовых механизмов позволяет элитным группам эффективнее договариваться в непубличном поле и реагировать на изменение общественной повестки, уверенно легитимируя в публичном поле решения, принятые в приватном порядке.

В частности, в Европе и США частные корпорации делегируют в политику своих представителей или поддерживают дружественных лоббистов, чиновников и политиков, возвращающихся из правительственных структур в частный бизнес (Белоусов 2018). В России до недавнего времени *рокфеллеры* разного масштаба пытались напрямую и в личном качестве участвовать в политических решениях, занимая разные административные и депутатские должности. Однако в настоящее время технологии влияния становятся опосредованными и связанными с более дифференцированным представительством интересов бизнеса в госструктурах, приближаясь к западной модели. Эта тенденция связана и с изменением целей ключевых игроков в ситуации, когда советское наследие приватизировано и основные переделы собственности и власти состоялись. Соответственно главная задача элит сегодня не захват и передел, а сохранение, передача и развитие имеющихся ресурсов, что предполагает консервативную логику достижения согласия с контрагентами вместо состояния постоянной войны. В терминологии *теории игр* это уже не конкурентная *игра с нулевой суммой*, а поиск взаимоприемлемого консенсуса, сокращающего потенциальные издержки и риски для всех заинтересованных сторон.

Стоит особо отметить, что рентно-сословная стратификация все уверенней очерчивает новое ядро политического порядка российского, а также иных современных обществ, в том числе и воспринимаемых в качестве образца отечественного транзита. Указанное ядро основано на властесобственности, которая вовсе не является исключительно российским феноменом, и непубличном взаимодействии властно-экономических кланов, образующих реальную элиту. Поэтому в более сложном, миросистемном континууме взгляд на социальные взаимодействия в каждом обществе рынка и государства обнаруживает лишь *количественные*, но не *качественные* отличия России от

цивилизованного мира. Данное обстоятельство снижает риторический пафос партикулярных транзитологических теорий, согласно которым одни общества суть безусловные примеры для других, – особенно перед лицом всеобщих проблем, вызовов и угроз, поскольку в мироэкономике все страны выступают взаимосвязанными и взаимозависимыми, хотя и неравноправными частями одного целого.

Стратификационные противоречия: глобальный мир и российский контекст. Монетарный рыночный порядок работает везде. Однако он создает не только возможности, но и центр-периферийную асимметрию стран в глобальном масштабе, в результате которой одни общества получают монетарную ренту от доминирования своих валют и финансовых институтов, а другие становятся зависимыми и могут нести ощутимые потери, вплоть до утраты политического суверенитета, так как в системе глобальных финансов возможности одних государств надавить на другие резко возрастают. Более того, формирование транснациональной неолиберальной элиты, являющейся оплотом монетарно-рыночного социального порядка, все чаще вступает в противоречие с долгосрочными интересами национальных сообществ.

Капитализм вкупе с особенностями порождаемых им экономических классов и неравенств предстает историческим явлением, которое несет явные признаки исчерпания, а потому все менее убедительно как безальтернативный сценарий будущего. Представляется, что в глобальной перспективе взгляды на коррупцию онтологически будут определяться не столько рыночными взаимодействиями, сколько властно-политическими возможностями доступа социальных групп к разнообразным видам ресурсов (капиталов, активов, рент), распределяемых иерархически. Данный конфликт в качестве неизбежного следствия будет снижать стратификационный потенциал механизмов рыночной саморегуляции и усиливать роль государства как агента нерыночного, рентного распределения ресурсов между социальными группами, а также способствовать формированию новых реалий рентно-сословного общества. Россия и остальной мир эволюционируют к более устойчивому и равновесному рентно-сословному обществу в ситуации упадка свободных рынков, обеспечивавших экономический рост и долю прибыли от этого роста для большинства. Рынок порождает неравенство,

но он же дает ресурсы для выравнивания, пока растет. Однако рыночное общество, обнаружив пределы ресурсного роста, становится все более неравновесным и неравным, когда население и его запросы растут, а привычные способы их удовлетворения с помощью рынка перестают действовать.

Классовое *общество труда* медленно и неуклонно уходит с исторической арены, политическое влияние трудящихся падает. Социальное государство как завоевание людей труда сталкивается все с большим количеством вызовов, на которые в классово-рыночной модели стратификации релевантные ответы уже не найти. Консенсус вокруг левых идей социальной справедливости, связанных с ценностью людей труда и сопутствующих понятий, таких как налоговая база труда, производительность, квалификация, стаж, особые условия труда, компенсация утраченного здоровья, пенсии и т.д., постепенно распадается, ибо трудовая ценность перестает быть ключевым ресурсом большинства. Социологи отмечают усиление тенденций к автономному воспроизводству и росту неравенства социальных страт в российском обществе: «...общественное сознание с годами все больше воспринимает российское общество как такое, где личные усилия и стремления человека все меньше значат для достижения жизненного успеха и занятия высоких статусных позиций ... в современной России происходит все большее закрытие верхних слоев населения» (Тихонова 2018: 38-39). Люди труда с соответствующей им левой риторикой утрачивают общественное влияние, они повсеместно превращаются в зависимое от государства *сословие бюджетозависимых*, которое предпочтет скорее постоянно сокращающуюся политическую ренту, чем борьбу за свои гражданские права. Соответственно левопопулистская риторика в условиях рентного общества трансформировалась в нечто другое: в апелляции к государству от имени разных сословий, которые вовсе не по труду, но по своему положению, чину и статусу претендуют на увеличение объема ренты от государства.

Поэтому социальное государство для большинства, переставшего владеть ценными ресурсами и не представляющего опасности для элит, будет и далее сокращаться. С утратой влияния людей труда падает и объем обязательств от государства. Если элиты могут не делиться ресурсами, то они и не будут этого делать. Следовательно, глобальный переход от рынка к государству как глав-

ному генератору ресурсов не будет революционным, поскольку в новой сословно-рентной структуре отсутствуют революционные субъекты. Рабочий класс вытесняется технологическим прогрессом, мелкие предприниматели не выдерживают конкуренции с крупным бизнесом, а все остальные, включая прекариат, лояльны государству на условиях взаимовыгодного сотрудничества в виде госзаказа, лоббизма, социальной помощи и пр.

В современной России трансформация советских принципов стратификации привела к формированию парадоксальной ценностно-институциональной реальности с двумя конкурирующими основаниями легитимации. Процесс рыночного классовообразования, начавшийся в результате распада советских сословий, был приостановлен, не будучи окончательно завершен. В то же время пространство дистрибутивных обменов, восстанавливающих привычный для российской истории рентно-сословный политический порядок, организующий неизменное ядро (центр) властно-политической организации общества, интенсивно расширяется. В итоге социальная структура современной России представляет собой своеобразный *сословно-рыночный кентавр*, в котором экономические классы все интенсивнее переструктурируются, прорастая сквозь нормативно-институциональную сеть постсоветских сословий. Это задает разные идеологические системы оценки наблюдаемых феноменов, которые могут квалифицироваться как коррупционные и тем не менее не являться таковыми.

Одновременно рыночные взаимодействия и современные политические институты в целом отодвигаются на изменчивую *защитную периферию*, связанную а) с поиском ресурсов, б) легитимацией власти и в) с адаптивным взаимодействием рентно-сословного ядра политического порядка с внешним миром. Однако в политической теории продолжают доминировать концепции, описывающие российское политическое пространство с помощью понятий, относимых преимущественно к его тонкой современной оболочке, что резко снижает их релевантность, поскольку они акцентируют внимание лишь на том, чем отечественный политический порядок, по сути, не является, но не на том, чем он является на самом деле. В результате исследователи, используя популярный категориальный аппарат (рынок, демократия, конкуренция, товарное производство, модель

экономического человека и т.д.), анализируют рентно-сословный порядок не таким, какой он есть на самом деле, а с нормативных позиций другого – рыночного или монетарного – порядка, представляющего как должный. Итогом такого рассмотрения может быть только констатация разнообразных *отклонений* наличного политического порядка от искомого, игнорирующая при этом ключевые ценностно-институциональные механизмы реально-го воспроизводства рентно-сословного ядра общества.

Таким образом, основной методологической проблемой, решающей задачи восстановления общественного согласия относительно ценностно-институциональных правил игры и достижения консенсуса по вопросам взаимодействия, квалифицируемых как коррупционные, является выработка непротиворечивого языка самоописания российского общества, существующего *на самом деле*, ибо противодействие коррупции будет тем эффективней, чем меньше будут расхождения между возможными системами идеологических координат и двойных стандартов, в рамках которых все социальные факты оцениваются одновременно *по законам* и *по понятиям*. Реальное соблюдение излишне суровых и намеренно противоречивых правил оказывается почти невозможным в обыденной жизни и чревата высокими издержками, а легальное исключение из них доступно лишь меньшинству, обладающему *правом на нарушение правил*. Более того, сами правила и режимы исключения из них постоянно меняются. *Институциональная ловушка* подобной двойной системы регулирования состоит в том, что субъекты (как определяющие режим санкционированного нарушения правил, так и освобожденные от санкций за нарушение социальных норм) заинтересованы в том, чтобы для большинства эти нормы оставались в силе. Ведь именно исключение образует их главное преимущество – вне рыночный и внеправовой ресурс, капитализируемый в виде различных рент.

Данная двойственность разрушает универсальные моральные и правовые пространства, не позволяя осуществлять эффективную регуляцию общественной жизни, лишенной внятных ориентиров. Наличие только одной системы, особенно если она выстраивается на эмпирическом обобщении реальных, а не должных социальных взаимодействий, само по себе служит сильнейшим средством ее легитимации, признания

и общественного согласия относительно содержащихся в ней правил доступа к ресурсам и их последующего распределения. И в российских практиках релевантный язык самоописания все чаще связан именно с рентно-сословной системой стратификации, в которой гражданину доступ к ресурсам определяется по званию, статусу, чину и должности.

Особенности коррупционных взаимодействий в рентно-сословном порядке. В настоящее время любое пристальное внимание ученых, надзорных органов или команда контролирующим органам *копнуть поглубже* в рыночно-модерной перспективе без всякого труда вскрывают в повседневных сюжетах и институтах взаимодействия граждан, бизнеса и государства повсеместную коррупцию. Но таков лишь *внешний, рыночно-монетарный* взгляд на российское государство, являющееся преимущественно рентным механизмом распределения ресурсов, и на российское общество, воспроизводящее внутри институтов современности сословное деление, определяющее уровень легитимного доступа разных сословий к ренте. Рентно-сословный характер российского общества с позиций свободного рынка и конкурентной демократии в качестве *должного* состояния оценивается как *патологический, анахроничный, феодальный, неопатримониальный*. Однако то, что с нормативных позиций рынка описывается в тотальных коррупционных категориях, в самих властных реалиях государства оказывается лишь естественным способом его существования, основанным на вне-рыночном, статусном распределении ренты. Сословным элитам выгодно рентное общество, но в публичном пространстве, во внешней оболочке государственности они имитируют признаки рынка, демократии, конкуренции, верности национальной идее и прочие атрибуты современности.

Подобная апелляция к атрибутам Модерна важна для рентно-сословных элит по разным причинам. Во-первых, конкурентная рыночная среда генерирует дополнительные источники экономических ресурсов и повышает общую эффективность имеющихся институтов. Во-вторых, базовые ценности демократии помогают создать нормативный образ общества, в сравнении с которым какая-то часть дистрибутивных обменов в рамках рентно-сословного порядка становится незаконной и морально нелегитимной. Нормативной идеал используется как

инструмент перераспределения власти и влияния, как средство поддержания легитимности в глазах населения. Это позволяет путем выборочных репрессий, проверок и *презумпции виновности* удерживать бесконечный рост рентных (коррупционных) притязаний разных частей элиты и более широких привилегированных социальных групп в определенных ценностных рамках, предотвращающих саморазрушение рентно-сословного социального порядка.

Именно поэтому рентно-сословный порядок часто пытаются оправдать как модель *суверенной демократии* или *государственного капитализма*, хотя эти понятия образуют лишь фасадную политическую легитимацию. Здесь возникает проблема с нерелевантными понятиями, где прилагательные должны объяснить, почему собственно этой демократии (капитализма) нет. Капитализм – это свободные рынки, конкуренция и рисковое предпринимательство. Государство же связано с дистрибутивными, а не рыночными обменами, с логикой насилия, а не прибыли. Поэтому госкапитализм – это всего лишь скрытая подмена отсутствующего капитализма рентно-сословным государством.

В этом контексте российским рентно-сословным государством выстраивается и общая логика противодействия коррупции, предполагающая разные стандарты для разных сословий. Они утверждаются в публичном пространстве распространением ограниченных сословных *этик добродетели*, которые разрушают общегражданскую этику универсальных принципов *должного поведения для всех* (Мартьянов, Фишман 2016). Объем коррупции *служилого сословия* просто легитимируется как источник дохода, положенный ему по статусу, а потому выводимый из-под действия предназначенных остальному обществу норм закона, социальных норм и неолиберальных принципов экономической конкуренции и прозрачности. Эта разновидность коррупции заложена, например, в основу участия привилегированного *служилого/чиновничьего* сословия в управлении *естественными монополиями*; распределения расходов бюджетов разных уровней через подконтрольные компании; разного рода стимулирующих и премиальных выплат, имеющих лишь условное и косвенное отношение к зарплатам; сословных привилегий в виде *особого порядка* медицинского, пенсионного и иных видов обслуживания и т.д. Более того, радикализация общественного

неравенства проявляется и в росте неравного территориального доступа граждан к ресурсам – в *географической ренте*. Она воспроизводится в центр-периферийной логике закрепления территориального неравенства, которая в России легитимируется политическими решениями на самом высоком уровне.

Например, *майские указы* Президента РФ от 7 мая 2012 г. фактически узаконивают радикальное неравенство условий жизни бюджетников российских регионов как новую социальную норму. Ранее нарастающее расслоение доходов людей, занятых аналогичным трудом в Москве/Санкт-Петербурге и на периферии, достигающее пятикратных размеров, считалось важной социоэкономической и политической проблемой в контексте ценности стабильности и равномерного развития территорий. Выработывались разные стратегии по сглаживанию сильного регионального неравенства и распределению межбюджетных трансфертов. Однако стратегической политической задачей стал лишь выход оплаты труда бюджетников на 100-200% по региону, вне зависимости от исходных региональных диспропорций, усиливающих межрегиональное неравенство.

Данные Росстата подтверждают легитимацию рекордной региональной ренты в оплате аналогичного труда бюджетников: в оплате труда научных сотрудников федеральных учреждений – в 3 раза (42,2 тыс. руб. – средняя зарплата в Дагестане, 142,8 тыс. руб. – в Магаданской области); в оплате труда врачей – более чем в 4 раза (42,2 тыс. руб. – средняя зарплата в Ингушетии, 182,7 тыс. руб. – в Чукотском АО); в оплате труда преподавателей вузов – в 3 раза (41,6 тыс. руб. – в Кабардино-Балкарской Республике, 139,1 тыс. руб. – в г. Москве)¹. Указанные региональные разрывы растут, не будучи обусловленными аналогичными различиями в рыночной стоимости жизни в разных регионах. Более того, привилегированные регионы, например Москва, выделяют своим жителям дополнительные политические ренты, касающиеся минимального пенсионного обеспечения, имеют возможности для финансирования

¹ Федеральная служба государственной статистики. Итоги федерального статистического наблюдения в сфере оплаты труда отдельных категорий работников социальной сферы и науки за январь-март 2018 года [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/trud/itog_monitor/03-18/it-tab03-18.rar (дата обращения: 08.10.2018).

коммунальной инфраструктуры, медицины и иных отраслей жизнеобеспечения граждан, которые в разы превышают аналогичные показатели в других регионах. Разница в реальных возможностях доступа к государственным услугам и общественным ресурсам между российскими регионами такова, что в результате их дифференциация по уровню жизни превосходит различие в уровне жизни разных стран. Согласно докладу *Всемирного банка* неравенство уровня жизни граждан нашей страны сопоставимо с неравенством Сингапура и Гондураса, а Россия входит в тройку стран-лидеров по региональному неравенству (Bussolo et al. 2019). Таким образом, мы имеем дело с политико-географической рентой, в которую вовлечено население отдельных российских регионов и которую можно объяснить только лишь реализацией модели бюджетного федерализма, ориентированной на поддержание ничем не оправданного *рентно-сословного неравенства в региональном измерении вместо решения задач его элиминации*.

В условиях рентно-сословного общества усиливается всеобщая погоня за *рентой с должности, статуса и положения граждан и их групп, выделенных в обществе по разным основаниям: экономическим, этническим, профессиональным, территориальным и т.д.* Соответственно растет и ресурсный вес должности, статуса, положения и принадлежности к *выгодной* социальной группе, обозначающих специфический символический капитал индивидов, который может быть обменен на капитал реальный. Особенности экономических процессов начинают проявляться в том, что бюджетные средства целенаправленно вкачиваются в рентоёмкие отрасли, позволяющие получать легитимную долю *ренты с расходов* государства и населения (домовое и дорожное строительство и капитальный ремонт, ВПК, сомнительные мегапроекты), в расширение *естественных монополий* и номенклатуры коммунальных услуг, предъявляемых к оплате населению. Коррупция в рентно-сословной перспективе теряет четкий формат нарушения общих для всех граждан законов, ее определение становится релятивным. Новый критерий коррупции – это *доступ к ресурсам не по чину, статусу и должности*. Одновременно бенефициары рентно-сословного порядка закономерно утрачивают интерес к модели *сервисного государства*, так как бюджетные гарантии базовых социальных услуг населению – образования,

здравоохранения, социального и пенсионного обеспечения – не позволяют извлечь значимую ренту. Поэтому объем подобных услуг в бюджетных расходах неумолимо сокращается. Соответственно общая стратегическая цель противодействия коррупции при рентно-сословном порядке довольно проста – создавать такие условия, когда постоянные попытки низших сословий расширить свою ренту с занимаемого положения или имеющегося социального статуса станут слишком рискованными, экономически и рационально невыгодными.

Вместе с тем в рентно-сословной модели низовая коррупция уменьшается путем последовательного сокращения поля возможных прямых взаимодействий граждан и представителей органов власти всех уровней, потенциально создающего коррупционные предпосылки (Фишман 2016). Новое сословное раслоение ведет к тому, что большинство населения лишается политической субъектности и политического статуса как главных условий доступа к влиянию на распределение ресурсов. Практики взаимоотношений большинства бюджетников и иных контрагентов с органами власти свидетельствуют, что они являются лишь объектами внешних воздействий. В наблюдаемой тенденции даже низовые органы власти и агенты государства все чаще превращаются в обычных исполнителей властных импульсов, в то время как реальные полномочия, субъектность и право на принятие решений концентрируются на верхних этажах управленческой пирамиды. Отсюда неубедительность оснований и целей управленческих реформ в области науки, образования, здравоохранения, пенсионного обеспечения, все успехи которых сводятся лишь к экономии бюджетных расходов на социальное развитие в партикулярных интересах политических элит, но не к самому развитию как главной цели, поскольку последнее предполагает участие в процессе принятия политических решений всех сторон, чьи интересы эти решения затрагивают.

Очевидно, что даже в рентно-сословном порядке полностью легализовать коррупцию в виде системы рент невозможно, потому что большая часть граждан не относится к элите и не имеет доступа к значимым ресурсам. Это всегда будет создавать политическое и моральное напряжение между господствующими дистрибутивными практиками и представлениями о справедливости тех, кто не является истинным бенефициаром

существующего порядка. В подобной перспективе ключевые вызовы сословно-рентному порядку проистекают только из постоянного роста *нормы отката*, который есть следствие перманентно усиливающейся дифференциации системы доступа сословий к ресурсам, что в итоге разрушает широкую коалицию элит. Все большее количество социальных групп начинают связывать возможности доступа к ренте только с иной конфигурацией политического порядка и элит. Первоначально растущий дефицит ресурсов принимает форму конфликта властных элит, проявляясь в попытках навести порядок, ужесточить законодательство, во всевозможных элитарных чистках и ротациях на нижестоящих ступенях, в том числе по причине присвоения ресурсов не по чину, статусу и должности. Подобные решения подтверждают ослабление политического режима, интенсифицирующего все контрольные возможности и аппарат легитимного насилия для сохранения статус-кво и политической ренты, лишая ее части элит и большинства населения.

Тем не менее в современном российском обществе нет значимых субъектов и факторов, обуславливающих потенциальную возможность революционного сценария, который бы привел к вытеснению получающих безусловную легитимность рентно-сословных критериев доступа к ресурсам – классово-рыночными (Мартьянов 2018b). Тем более, что ситуация исторического сдвига рентной стратификации в России не является уникальной, лишь в более жестких отечественных социальных трансформациях подтверждая глобальные закономерности превращения рыночного капитализма в рентоориентированную экономику (Мартьянов 2018a). Следует подчеркнуть, что рентно-сословное государство в целом выполняет свои обязательства перед населением. Причем перспективы технического дефолта государства последовательно снижаются путем уменьшения этих обязательств вне зависимости от дискуссий по поводу их должного объема, будь то девальвация рубля, «оптимизация» количества больниц, вузов и школ с одновременным повышением пенсионного возраста, с опережающим ростом налогов, цен и коммунальных платежей. Все это позволяет избегать ресурсного дефицита, управляя платежеспособным спросом населения, который в 2014–2018 гг. в России заметно сократился. Подобная тактика закладывает запас прочности в рентно-сословный порядок, ко-

торый будет способен в ближайшем будущем, в случае роста социального недовольства, наращивать социальные расходы и обязательства перед податными сословиями¹.

В современной России феномен коррупции имеет генетическую связь со способами решения проблемы советского дефицита товаров и ресурсов. Проблема дефицита ресурсов в нерыночном, дистрибутивном обществе, в планово-административной экономике сглаживается путем создания компенсаторной оболочки из разнообразных, условно рыночных обменов, существующих вопреки догмам всеобщего планирования и законом эгалитарного распределения. Дефициты восполняются через неформальные социальные сети коррупционного типа, включенность в которые является важнейшим фактором доступа части граждан к дефицитным ресурсам. Сегодня в российском рентно-сословном обществе имеет место воспроизводство в видоизмененном виде сетей неформального социального обмена советского периода, тогда, как и в настоящее время, большинство рабочих, крестьян и служащих мало что могли предложить *на обмен* как *избыток* в указанных социальных сетях, выступающих функциональным аналогом рынка. Следует подчеркнуть, что сетевые социальные коммуникации (блат, связи, услуги, спецпайки и т.д.), часто представляемые либералами как прообраз будущего российского рынка и его реальными агентами, *имеют мало общего с рынком, описанным в учебниках экономикс*. Эти сетевые коммуникации были актуальны для фарцовщиков, интеллигенции и номенклатуры, которые имели некий *коррупционный избыток* ресурсов для обмена, но которых вряд ли стоит изображать в качестве *рыцарей рынка*. Из этих псевдорыночных и узкосословных ресурсных обменов произрастает сам тип российских властных и экономических коммуникаций 1990-х и далее. Поэтому во многом аналогично борьбе со *спекулянтами* советского периода складывается в современном российском обществе ситуация с противодействием *коррупционерам* как людям, имеющим спекулятивный избыток ресурсов, который им не положен по званию, статусу и чину. В исторической перспективе рентно-сословное общество

¹ Реальные доходы населения России: динамика с 2000 по 2018 [Электронный ресурс]. URL: <http://investorschool.ru/realnye-doxody-naseleniya-rossii-dinamika-s-2000-po-2017> (дата обращения: 15.10.2018).

лишь узаконивает неформальные сетевые обмены ресурсами, которые в СССР объявлялись преступными, но в современном российском обществе легитимируются в качестве основных элементов иерархического распределения, мимикрирующих под свободный рынок.

Противодействие коррупции в современной (классово-рыночной) перспективе. Сложность потенциального отказа российского общества как, впрочем, и любого другого, от рентно-сословных в пользу общегражданских эгалитарных ценностно-институциональных регуляторов заключается в том, что коррупция – это продукт не только *архаичных* институтов, *устаревшей* морали, но и человеческих слабостей и пороков. Часто она истекает именно из тех человеческих качеств, которые считаются в обществе достоинствами – взаимопомощи, благодарности, верности, дружбы, добрососедства, предпочтительных родственных и родственных чувств. И все это входит в явное противоречие с обезличенностью и универсальностью рыночных обменов. Более того, в классической экономической работе Р. Коуза «Природа фирмы» аргументируется фундаментальная мысль, что рыночные коммуникации в принципе не могут быть универсальными и в качестве эталона переносимыми во все иные сферы жизни общества и человека (Коуз 1999). Свободный рынок существует только как внешняя среда между фирмами, а внутренняя организация фирм подчинена совсем другим, нерыночным правилам, которыми руководствуются и любые иные сообщества (семья, государство и т.д.), чьи цели не зависят от внутренней конкуренции, оптимизации издержек, спроса и предложения и т.д. В противном случае фирмам было бы выгодно переносить рыночную среду в свою внутреннюю реальность, что логически означало бы их упразднение в качестве лишнего звена в рыночных обменах. Поэтому расширение *чистого рынка* имеет четкие границы и пределы, за которыми он обнаруживает резкое падение своей привлекательности в сравнении с прочими альтернативами при решении разнообразных социальных задач.

Тем не менее в современной (классово-рыночной) онтологии противодействия коррупции рынок представляется большим общественным благом и более предпочтительным регулятивным механизмом, чем его альтернативы. Поэтому общей стратегической целью противодействия коррупции стано-

вится институциональная мимикрия государства под рынок. Она реализуется в сокращении регулятивных функций дистрибутивного (распределяющего) государства, выступающем безусловным благом для народа. Либерализация предстает как пересмотр всей системы централизованных практик изъятия и перераспределения общественных ресурсов и государственных услуг среди граждан в виде ренты, все более концентрирующейся на федеральном уровне и в виде *пожалованных субсидий* транслируемой на нижние *бюджетные этажи*. В ценностном измерении предполагается, что постоянная инфляция разных ведомств, подразделений, контролирующих структур и практик по противодействию коррупции не способствует победе над коррупцией, являющейся самим *modus vivendi* рентно-сословного государства. Максимальный результат в данном случае – перераспределение рентных потоков между патрон-клиентскими группами элит, ведомствами и лоббистами внутри государственного аппарата. Отказ же от избыточных полномочий означает потерю коррупционного ресурса, поскольку обменять некие решения, разрешения, удостоверения, выписки и прочие необходимые гражданам бумаги со стороны органов власти на взятку уже не получится. Представляется, что сокращение контрольно-регулирующих функций государства может сопровождаться расширением *автономии низовой бюрократии и бюджетников*, оказывающих непосредственные услуги населению. При этом реальными оценщиками результатов работы низовой бюрократии должны стать не только их принципалы в лице начальства, но и клиенты, то есть население.

Радикальными сторонниками рынка и свободной конкуренции (неолибералами, либертаристами, глобалистами) предполагается, что в современных обществах наиболее эффективным субъектом достижения своих интересов оказывается сам автономный гражданин, который оптимальным способом реализует свои жизненные цели, учитывая сложившиеся обстоятельства и располагая имеющимся ресурсом. Соответственно сокращение объемов внешнего для граждан государственного регулирования потенциально снижает совокупную *цену государства* (в виде налогов, акцизов, таможенных сборов; национальных мегапроектов, являющихся способом легального оформления сверхренты их исполнителей и при этом никогда не достигающих целевых

показателей; инфляции, порождаемой постоянным ростом государственных расходов; зарплат чиновников, чей численной рост является константой, а сокращения – локальными и временными флуктуациями), уменьшает *транзакционные издержки* всех социальных коммуникаций и т.д.

Очевидно, что шанс расширения рыночных обменов в новейшей модели *сервисного государства* как универсального интерфейса социальных услуг для граждан может быть реализован при увеличении доли населения, ресурсно независимой от государства. Однако надежды на расширение рыночных социальных групп и на их растущий запрос на истинно демократическую модель государства становятся все прозрачнее в ситуации глобальной стагнации свободного рынка и моделирования гражданина как рационального эгоистичного потребителя. Капитализм и рынки порождают все меньше жизненных ресурсов, которые бы и далее оправдывали веру в них, особенно у растущих групп *прекариата*, отлучаемых от многих из этих ресурсов в альтернативном, рентном обществе.

Отдельная проблема состоит в том, что если государство ослабляет вертикальный многоступенчатый контроль, то это не означает автоматического вытеснения бюрократии такими общественными регуляторами, как демократия и рынок. Гораздо чаще новыми регуляторами повседневной жизни оказываются еще более архаичные варианты клановых, теневых и криминальных структур, что можно было наблюдать в России 1990-х гг. Очевидно, что минимизации государства самой по себе совершенно недостаточно для полноценного функционирования политического и экономического порядка. Его фундамент подкрепляется обыденными ценностями, институтами и правилами, во многом формируемыми в результате повседневных взаимодействий, не опосредованных государством. Решение этой проблемы было бы наивно сводить к оппозиции рынка/государства/гражданского общества, поскольку только все три составляющие могут обеспечить эффективную культурную саморегуляцию общества на уровне индивидуальных и коллективных практик. В свое время Токвиль обуславливал действенность и устойчивость демократических институтов в Америке их опорой на автономию, культурную среду и жизненные правила, повседневно вырабатываемые и подтверждаемые местными соседскими сообществами (Ток-

виль 1992: 64-142). И, наоборот, в условиях дикого рынка и господства экономического человека как рационального эгоиста, легализации ценностей конкуренции и повсеместного отчуждения возникновение пространства гражданской саморегуляции, позволяющее ослабить государственный дисциплинарный контроль, чревато непредсказуемыми результатами.

* * *

Ни классово-рыночная, ни рентно-сословная модели противодействия коррупции не являются универсальными как для современного российского общества, так и для всех остальных обществ, поскольку за обеими ценностно-институциональными моделями стоят онтологии интересов значимых социальных групп, образующих общество, каждая из которых определяет собственные критерии коррупции. Это в итоге приводит к *двойным стандартам* противодействия коррупции, которые в целом ослабляют его эффективность. С одной стороны, сильно сократить коррупцию, не меняя социально-политический порядок, частью которого она является, по определению невозможно. Однако последнее предполагает общественный консенсус относительно *целей изменений*, за который не могут выдаваться мнения локальных групп общества, пусть и ресурсно влиятельных. С другой стороны, трудно добиться успехов, применяя механизмы противодействия коррупции, доминирующие в другой политической реальности. Если исследователи, анализируя российские реалии, повсеместно обнаруживают коррупцию, встроенную в повседневность, то последнее вполне может быть обусловлено не только *неправильным обществом*, но и выбором ими неадекватного и ограниченного инструментария для оценки реалий, которым эти инструменты не показаны.

Стоит особо отметить, что наблюдаемое в глобальной перспективе расширение рентно-сословной модели стратификации, ориентированной на государство, во многом является прямым следствием *углубляющегося кризиса рынка и демократии*. При остановке глобального экономического роста рынок перестает увеличивать доступные ресурсы для решения социальных проблем, стремясь лишь к выносу своих *токсичных* транзакционных издержек в *бесплатную внешнюю среду*, чьи

управленческие, моральные, культурные, экологические и иные ресурсы тоже не безграничны. Все это не может не привести к критической переоценке моделей эффективности рынка, в том числе распространяемых в качестве нормативных образцов за пределы капиталистической экономики.

Представляется, что простая переориентация российско-го общества с рентно-сословных на исключительно рыночные критерии борьбы с коррупцией невозможна по той простой причине, что социальная группа предпринимателей, получающая ресурсы от своей рыночной активности, составляет около 15% населения (Кордонский, Дехант, Моляренко 2012: 76). С учетом роста автоматизации и роботизации современной экономики вовлечение в рынок значительных масс людей становится непосильной задачей не только для российской экономики (Мартьянов 2017). *В подобном контексте для противодействия коррупции исключительное значение приобретает способность ключевых социальных групп российского общества достичь согласия относительно целей его существования, критериев доступа к ресурсам и правил взаимодействия. Базовый консенсус может быть достигнут только в процессе рационального и прагматичного диалога, в котором нет места двойным стандартам и популистской риторике. Эта утопическая задача является почти неразрешимой, поскольку бенефициары политической ренты не склонны публично обосновывать легитимность своего особого доступа к общественным ресурсам и вступать в дискуссии относительно более эгалитарных механизмов ее распределения. Тем не менее альтернативные варианты заведомо хуже, так как вместо прагматических решений и более тонких социокультурных настроек предполагают революционный слом рентно-сословного порядка с перспективой формирования иного порядка, который совсем не обязательно будет рыночно-демократическим и более справедливым в отношении широких социальных слоев.*

Основное противоречие рентно-сословного политическо-го порядка проявляется в том, что элиты покупают лояльность значимых социальных групп путем их включения в пространство рентного доступа. Вместе с тем стремление элит ограничить низшие, *податные сословия* в доступе к ренте и к любым механизмам поддержки со стороны социального государства, проводя их последовательное институциональное исключение,

оборачивается неизбежной потерей легитимности. В настоящее время в рентно-сословной онтологии коррупции можно наблюдать интенсивную борьбу лишь с *малой*. или бытовой, коррупцией при недостижимости и неприкосновенности *большой* коррупции российских элит, легитимизируемой как новая сословная рента. Поэтому верховая, политическая коррупция наиболее сильна и неустраима, так как отсылает к самим основаниям политического порядка, когда коррупционные с точки зрения модерных рыночных идей механизмы используются для тотального контроля ресурсных потоков государства. При этом следует отдавать отчет, что *сами по себе* правоохранительные органы никогда не победят преступность, госнарконтроль принципиально не разрешил проблем незаконного оборота наркотиков, борцы с экстремизмом не искоренят политического насилия, государственная медицинская корпорация не обеспечит всеобщего здоровья, поскольку во всех вышеперечисленных направлениях активности одновременно реализуются борьба за ресурсные потоки, расширение предметов регулирования, симуляция статистики и повышение значимости *угроз*, которые становятся для государственных агентов и корпораций более важным фактором выживания, нежели удовлетворение интересов граждан как конечного заказчика.

Среди предельно общих механизмов противодействия коррупции, которые будут работать как в рентно-сословной, так и в рыночной институциональной среде, можно выделить следующие.

1. Выработка прозрачных критериев распределения общественных ресурсов, закрепляемых посредством процедур общественного согласия.

2. Поддержка эгалитарных принципов распределения общественных ресурсов.

3. Резкое упрощение административно-территориального устройства России, ее законодательства и регламентов взаимодействия граждан с органами власти, которое сократит цепочки разнообразных рент, извлекаемых из возможностей органов власти для произвольного вменения *презумпции виновности* гражданам.

4. Сокращение государства и его функций по контролю, изъятию и перераспределению общественной ренты. Очевидно, что

большое государство и эффективное государство в современном мире давно не тождественны.

5. Поддержание конкурентных рынков со свободным ценообразованием; неприкосновенность частной собственности как базовое условие любых долгосрочных инвестиций и экономической активности.

6. Выравнивание реальных зарплат в госсекторе с доходами, получаемыми на аналогичных позициях в рыночных компаниях, что лишает коррупционные доходы легитимности в качестве *статусной ренты* или *справедливой доплаты* к основному жалованию.

7. Делегирование полномочий и ресурсов по их осуществлению на уровень местного самоуправления, а также организуемых самими гражданами общественных структур, где их участие в своей собственной судьбе наиболее продуктивно. Очевидно, что местные власти тоже могут быть коррумпированы. Однако именно на этом уровне гражданам легче осознать свои коллективные интересы, добиться ясности решений, прозрачности налоговых сборов, оценить эффективность бюджетных расходов и т.д. С местной властью легче взаимодействовать непосредственно, она персонифицирована, на нее легче воздействовать, а также напрямую участвовать в ней.

8. Актуализация коммунарных ценностей, которые аргументировали бы то обстоятельство, что коррупция, принося отдельные тактические выигрыши отдельным людям, неизменно обращается во всеобщее поражение общества в целом.

Материал поступил в редколлегию 18.10.2018 г.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Белоусов А.Б. 2019. Проблема вращающихся дверей в США: между лоббизмом и институциональной коррупцией // Актуальные проблемы научного обеспечения государственной политики РФ в области противодействия коррупции : сб. тр. по итогам Третьей Всерос. науч. конф. с междунар. участием / отв. ред. В.Н. Руденко. Екатеринбург. С. 564-576.

Доклад о состоянии конкуренции в Российской Федерации, 2016 [Электронный ресурс] / Федерал. антимонопол. служба. М. 432 с. URL: <https://fas.gov.ru/attachment/152253/download?1514223603> (дата обращения: 05.09.2018).

Кордонский С., Дехант Д., Моляренко О. 2012. Сословные компоненты социальной структуры России: гипотетико-дедуктивный анализ и попытка моделирования // Мир России. Т. 21, № 2. С. 62-102.

Коуз Р. 1999. Природа фирмы // Вехи экономической мысли : в 3 т. / сост. В.М. Гальперин. СПб. : Экон. шк. Т. 2: Теория фирмы. С. 11-32.

Мартьянов В.С. 2017. Наше рентное будущее: глобальные контуры общества без труда? // Социолог. исслед. № 5. С. 141-153.

Мартьянов В.С. 2018а. Глобальный упадок капитализма: политические последствия // Полития. № 4. С. 140-161. DOI: 10.30570/2078-5089-2018-91-4-140-161

Мартьянов В.С. 2018b. Факторы революции в современной России // Неприкоснов. запас. № 2 (118). С. 77-90.

Мартьянов В.С., Фишман Л.Г. 2016. Этика добродетели для новых со-словий: трансформация политической морали в современной России // Вопр. философии. № 10. С. 58-68.

Мартьянов В.С., Фишман Л.Г., Давыдов Д.А. 2019. Рентное общество: в тени труда, капитала и демократии. М. : Издат. дом Высш. шк. экономики. [В печати].

Норт Д., Уоллис Д., Вайнгаст Б. 2011. Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества. М. : Изд. Ин-та Гайдара. 480 с.

Тихонова Н.Е. 2018. Факторы жизненного успеха и социально-го статуса в сознании россиян // Вестн. Ин-та социологии. № 27. С. 38-39. DOI: 10.19181/vis.2018.27.4.536

Токвиль А. 1992. Демократия в Америке : пер. с франц. М. : Прогресс. 554 с.

Фишман Л.Г. 2016. Борьба с коррупцией как политика сегрегации // Актуальные проблемы научного обеспечения государственной политики Российской Федерации в области противодействия коррупции : сб. тр. по итогам Второй Всерос. науч. конф. с междунар. участием / отв. ред. В.Н. Руденко. Екатеринбург. С. 49-58.

Ченсел Л. [Chancel L.] (ред.) 2018. Доклад о неравенстве в мире. Основные положения. Русская версия [Электронный ресурс] / авт.-сост. F. Alvaredo, L. Chancel, T. Piketty, E. Saez, G. Zucman ; гл. ред. L. Chancel. World Inequality Lab. 20 с. URL: <https://wir2018.wid.world/files/download/wir2018-summary-russian.pdf> (дата обращения: 20.02.2019).

Bussolo M. et al. 2019. Toward a New Social Contract : Taking On Distributional Tensions in Europe and Central Asia [Электронный ресурс] / M. Bussolo, M.E. Davalos. V. Peragine and R. Sundaram. World Bank Group. 251 p. URL: <https://openknowledge.worldbank.org/bitstream/handle/10986/30393/9781464813535.pdf> (дата обращения: 22.09.2018).

Victor S. Martyanov, Candidate of Political Science, Associate Professor, Deputy Director, Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia. E-mail: martianovy@rambler.ru

ORCID ID: 0000-0002-7747-0022

DOUBLE STANDARDS IN DEFENDING CORRUPTION AS A CHALLENGE TO PUBLIC CONCERN

Abstract. Presently, in Russia rent-class and class-market ontologies of corruption coexist, stipulating contradictory principles of its definition and

opposition. The political actors of these ontologies offer mutually exclusive views on the phenomenon of corruption, due to the general context of the competition of social groups over the legitimate principles of the distribution of public resources, various goods, and types of capital. The hypothesis is suggested that in the global world, and Russia as its part there is a background trend towards strengthening the rent-estate stratification of society, which presupposes the strengthening of non-market (non-economic) factor of social groups' access to public resources. In this model, the key element of class formation is the national state, but not the free market. Accordingly, the level of legitimate citizens' access to resources is increasingly determined by the position of citizens in the hierarchy of the state, but not by their competitiveness and requirements of the market. In such a rent-class system, relatively universal and egalitarian value-institutional spaces are suppressed being oriented towards the formal equality of citizens, and sensitive to the distortion of this equality. In terms of the rent-class order, the growing inequality of citizens' access to public resources according to estate, industry, official, geographical, and other criteria cease to be qualified as corruption. There is an increase in hierarchical inequality in access to resources, legitimized by new estate ethics of virtues, in which corruption appears as acceptable status, class or political rent. The identification of corruption is increasingly reduced to relative quantitative indicators like the excess of the estates and their individual representatives of the amount of political rent legitimated for them. Nevertheless, the rent-class order could receive wide support if the majority of the population is involved as beneficiaries, and the criteria for the distribution of political rent are relatively transparent and legitimized by public agreement of key social groups.

Keywords: corruption; stratification; rent; status rent; public consent; resource; rent-estate order; state; market classes; inequality.

References

Alvaredo F., Chancel L. (ed.), Piketty T., Saez E., Zucman G. *Doklad o neravenstve v mire. Osnovnye polozheniya. Russkaya versiya* [Report on inequality in the world. The main provisions. Russian version], World Inequality Lab., 2018, 20 p., available at: <https://wir2018.wid.world/files/download/wir2018-summary-russian.pdf> (accessed October 15, 2018). (in Russ.).

Belousov A.B. *Problema vrashchayushchikhsya dverey v SShA: mezhdub lobbizmom i institutsional'noy korruptsiei* [The problem of revolving doors in the USA: between lobbying and institutional corruption], Rudenko V.N. (resp. ed.) *Aktual'nye problemy nauchnogo obespecheniya gosudarstvennoy politiki RF v oblasti protivodeystviya korruptsii : sb. tr. po itogam Tret'ey Vseros. nauch. konf. s mezhdunar. uchastiem*, Ekaterinburg, 2019, pp. 564-576 (in Russ.).

Bussolo M., Davalos M.E., Peragine V., Sundaram R. *Toward a New Social Contract : Taking On Distributional Tensions in Europe and Central Asia*, World Bank Group, 2019, 251 p., available at: <https://openknowledge.worldbank.org/bitstream/handle/10986/30393/9781464813535.pdf> (accessed September 22, 2018).

Coase R. *Priroda firmy* [The nature of the company], *Galperin V.M. (comp.) Vekhi ekonomicheskoy mysli, in 3 vols.*, St. Petersburg, Ekonomicheskaya shkola, 1999, vol. 2, pp. 11-32. (in Russ.).

Doklad o sostoyanii konkurentsii v Rossiyskoy Federatsii [Report on the state of competition in the Russian Federation], Moscow, Federal Antimonopoly service, 2016, 432 p., available at: <https://fas.gov.ru/attachment/152253/download?1514223603> (accessed September 05, 2018). (in Russ.).

Fishman L.G. *Bor'ba s korruptsией kak politika segregatsii* [The fight against corruption as a policy of segregation], *Rudenko V.N. (resp. ed.) Aktual'nye problemy nauchnogo obespecheniya gosudarstvennoy politiki Rossiyskoy Federatsii v oblasti protivodeystviya korruptsii : sb. tr. po itogam Vtoroy Vseros. nauch. konf. s mezhdunar. uchastiem*, Ekaterinburg, 2016, pp. 49-58. (in Russ.).

Kordonskiy S., Dekhant D., Molyarenko O. *Soslovnye komponenty sotsial'noy struktury Rossii: gipotetiko-deduktivnyy analiz i popytka modelirovaniya* [The class components of the social structure of Russia: a hypothetical-deductive analysis and an attempt at modeling], *Mir Rossii*, 2012, vol. 21, no. 2, pp. 62-102. (in Russ.).

Martyanov V.S. *Faktory revolyutsii v sovremennoy Rossii* [Factors of the revolution in modern Russia], *Neprikosnovennyy zapas*, 2018, no. 2 (118), pp. 77-90. (in Russ.).

Martyanov V.S. *Global'nyy upadok kapitalizma: politicheskie posledstviya* [Global decline of capitalism: political implications], *Politiya*, 2018, no. 4, pp. 140-161. DOI: 10.30570/2078-5089-2018-91-4-140-161 (in Russ.).

Martyanov V.S. *Nashe rentnoe budushchee: global'nye kontury obshchestva bez truda?* [Our rental future: the global outlines of society without labor?], *Sotsiologicheskies issledovaniya*, 2017, no. 5, pp. 141-153. (in Russ.).

Martyanov V.S., Fishman L.G. *Etika dobrodeteli dlya novykh sosloviy: transformatsiya politicheskoy morali v sovremennoy Rossii* [Ethics of virtue for new estates: the transformation of political morality in modern Russia], *Voprosy filosofii*, 2016, no. 10, pp. 58-68. (in Russ.).

Martyanov V.S., Fishman L.G., Davydov D.A. *Rentnoe obshchestvo: v teni truda, kapitala i demokratii* [Rental society: in the shadow of labor, capital and democracy], Moscow, Izdatel'skiy dom Vysshey shkoly ekonomiki, 2019. [In print.]. (in Russ.).

North D., Wallis D., Weingast B. *Nasilie i sotsial'nye poryadki. Kontseptual'nye ramki dlya interpretatsii pis'mennoy istorii chelovechestva* [Violence and social order. Conceptual framework for interpreting the written history of mankind], Moscow, Izdatel'stvo Instituta Gaydara, 2011, 480 p. (in Russ.).

Tikhonova N.E. *Faktory zhiznennogo uspekha i sotsial'nogo statusa v soznanii rossiyan* [Factors of life success and social status in the minds of Russians], *Vestnik Instituta sotsiologii*, 2018, no. 27, pp. 38-39. DOI: 10.19181/vis.2018.27.4.536 (in Russ.).

Tocqueville A. *Demokratiya v Amerike* [Democracy in America], Moscow, Progress, 1992, 554 p. (in Russ.).